

21. *Сапрыкин С.Ю.* 2013: Постэллинизм на Боспоре: предпосылки и развитие // Боспорский феномен: Греки и варвары на евразийском перекрестке / М.Ю. Вахтина и др. (ред.). СПб., 191–194.
22. *Суриков И.Е.* 2007: Имена правителей в государстве Спартокидов (о нескольких дискуссионных проблемах древнегреческой политической ономастики) // ДБ. 11, 380–393.
23. *Суриков И.Е.* 2009: Кое-что о родственниках Эсихина и Демосфена («Раб Тромет», «предатель Гилон» и другие, или: а был ли «нимфейский след»?) // ДБ. 13, 393–413.
24. *Суриков И.Е.* 2010: Воительница Афина: Солон, Писистрат и афинское полисное ополчение в VI в. до н.э. // Мнемон. 9, 27–54.
25. *Суриков И.Е.* 2011: Очерки об историописании в классической Греции. М.
26. *Суриков И.Е.* 2012: Две проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Восточная Европа в древности и средневековье. Миграции, расселение, война как факторы политогенеза / Е.А. Мельникова (ред.). М., 311–315.
27. *Суриков И.Е.* 2013: «Молчание ягнят» (О теории антибоспорского заговора греческих историков V в. до н.э.) // ДБ. 17, 280–296.
28. *Суриков И.Е.* 2014: Некоторые проблемы боспорского политогенеза V–IV вв. до н.э. («взгляд из Эллады») // Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год. Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства / А.В. Подосинов, О.Л. Габелко (ред.). М., 76–122.
29. *Толстиков В.П.* 1984: К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н.э.) // ВДИ. 3, 24–47.
30. *Хабихт Х.* 1999: Афины: История города в эллинистическую эпоху. М.
31. *Шелов-Коведяев Ф.В.* 1985: История Боспора в VI–IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1984 год. М., 5–187.
32. *Badian E.* 1993: From Plataea to Potidaea: Studies in the History and Historiography of the Pentecontaetia. Baltimore – London.
33. *Bolmarcich S.* 2005: Thucydides 1. 19. 1 and the Peloponnesian League // Greek, Roman and Byzantine Studies. 45, 5–34.
34. *Carawan E.* 2013: The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxf.
35. *Hampf F.* 1939: Poleis ohne Territorium // Klio. 32, 1–60.
36. *Knell H.* 1995: Überlegungen zur öffentlichen Architektur des IV. Jahrhunderts in Athen // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr / W. Eder (Hrsg.). Stuttgart, 475–514.
37. *Vernant J.-P.* 1980: Myth and Society in Ancient Greece. Brighton.
38. *Vinogradov J.G.* 1980: Die historische Entwicklung der Polis der nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v.Chr. // Chiron. 10, 63–100.
39. *Vinogradov J.G.* 1997: Pontische Studien. Kleine Schriften zur Geschichte und Epigraphik des Schwarzmeerraumes. Mainz.

Igor E. Surikov
 Institute of World History,
 Russian Academy of Sciences,
 Moscow, Russia
 Lobachevsky State University of
 Nizhny Novgorod, Russia

И.Е. Суриков,
 доктор исторических наук,
 Институт всеобщей истории РАН,
 Москва
 Нижегородский государственный
 университет им. Н.И. Лобачевского

isurikov@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
 2015, № 3, с. 235–239

H.-P. FRANCFORT. L'art oublié des lapidaires de la Bactriane aux époques achéménide et hellénistique. Paris: De Boccard, 2013. 207 p.

В широко известной серии «Persika» опубликована небольшая книга А.-П. Франкфора, известного французского археолога, много сделавшего для изучения прошлого Центральной Азии. Она имеет несколько провокационное название «Забывтое камнерезное искусство Бактрианы в ахеменидскую и эллинистическую эпохи».

Структура книги достаточно обычна. После традиционного «Предисловия и благодарностей» следуют «Введение», три главы основной части монографии и «Заключение». Завершают работу «Библиография», «Список иллюстраций» и «Указатель». Отмечу сразу, что поражает весьма посредственное качество иллюстраций, сопровождающих текст.

Также необходимо указать с самого начала на одно достаточно важное обстоятельство: тема, исследуемая автором, как мне кажется, «тянет» только на статью, но А.-П. Франкфору захотелось (в силу непонятных мне причин) издать книгу. Результатом этого стали как чрезмерно усложненная структура работы, так и многочисленные повторы.

Во «Введении» А.-П. Франкфор обрисовывает «широкими мазками» общую историю развития искусства в Центрально-Азиатском регионе начиная примерно с 2300 г. до н.э. и несколько туманно намечает свою линию исследований. Автор параллельно рассматривает эволюцию искусства оседлых земледельческих и кочевых народов на огромном пространстве от Китая до берегов Черного моря. Его очерк начинается с момента возникновения «Цивилизации Окса». Автор предпочитает это название вместо явно неудачного термина «Бактрийско-Маргианский археологический комплекс». Отмечу также, что и предлагаемое им название не кажется мне очень подходящим, поскольку Мервский оазис, где существовал второй центр этой культуры, никакого отношения к Оксу (Амударье) не имеет.

А.-П. Франкфор указывает, что период процветания этой цивилизации приходится на период 2300–1750 г. до н.э. Он подчеркивает, что в ее рамках развились многие яркие направления искусства малых форм, хотя и идущие в русле общих тенденций сиро-месопотамского искусства, но в то же время обладающие собственными особенностями. Одной из форм этого искусства была сфрагистика. В частности, изготовлялись из камня печати самых различных форм и назначений.

С 1750 г. до н.э. начинается явный упадок цивилизации, который иногда ставят в связь с приходом с севера «андроновцев», которые, вероятно, являлись индо-иранцами или индо-ариями. При этом необходимо иметь в виду, что в мире степных племен существовало свое искусство, в частности петроглифы, а у некоторых племен – каменная монументальная скульптура. Этот вид искусства распространился достаточно широко и даже достиг Индо-Пакистанского субконтинента (Ладакх, Занкар). А.-П. Франкфор указывает на наличие глубокой лакуны в наших знаниях для периода от примерно 1500–1400 г. до н.э. вплоть до примерно 1000 г. до н.э. Необходимо указать, что эта мысль сформулирована таким образом, что концепция хиатуса может быть понята и как реальное явление, и как просто отражение характера наших знаний.

Наконец, около 1000 г. до н.э. появляется оседло-земледельческая культура Яз I, явно аниконическая. Но в степном мире в это время художественные традиции продолжали существовать и развиваться. До завоеваний Центральной Азии Киром этот регион сохранял в сфере искусства в целом свой традиционный аниконический характер. В степях же в это время рождается скифо-сибирский звериный стиль. Необходимо подчеркнуть, указывает автор, что, вопреки широко распространенному мнению, влияния, пришедшие с Переднего или Среднего Востока, никак не участвовали в создании этого стиля. Искусство степей в период от VI до III в. до н.э. знало время своего наивысшего подъема. С конца IV в. до н.э. в нем начинает ощущаться влияние ахеменидского искусства. Но заимствования из него не имели стихийного характера, из обширного репертуара ахеменидского искусства кочевая элита сознательно отбирала лишь некоторые темы и сюжеты. Этот процесс продолжался достаточно длительное время и отчасти совпал по времени с распространением на Востоке греческих тем и сюжетов.

Эпоха Яз II и Яз III – это время после ахеменидского завоевания. Наше знание искусства Центральной Азии ахеменидского и доахеменидского времени очень ограничено. В распоряжении исследователей находится только несколько артефактов, полученных из «кладов», которые, как правило, относятся к эллинистической эпохе. А.-П. Франкфор указывает, что, с его точки зрения, существовало одно направление в искусстве народов Центральной Азии, совершенно не зависевшее от ахеменидского эллинистического и даже мидийского искусства. Это камнерезное ремесло. У нас нет свидетельств о других видах искусства Центральной Азии доахеменидского времени.

Основная проблема данного исследования – проблема существования бактрийского или центральноазиатского искусства этого времени, которое пережиточно сохранялось и позднее. Эту идею А.-П. Франкфор повторяет несколько раз в разном контексте, хотя и разными (не всегда) словами. При этом понятия «бактрийское искусство» и «центральноазиатское искусство» им как-то незаметно уравниваются.

Метод исследования, который он избрал, можно назвать, как он считает, «генетическим». Этот метод использовал Д. Шлюмберже, который обрисовал основные черты искусства раннего эллинизма на Востоке (время Селевкидов и греко-бактрийских царей) на основании памятников более позднего времени, но сохранивших, естественно, определенные черты своих предшественников.

Практически данный метод должен выглядеть следующим образом: берется весь «корпус» произведений искусства Бактрии (Центральной Азии). От него «отсекаются» произведения греческого типа, затем ахеменидского, наконец, «степного». То, что останется в осадке, и есть искомое собственно бактрийское (центральноазиатское?) искусство. В конце этого раздела книги А.-П. Франкфор ставит вопрос о «мидийском» искусстве, которое на имеющемся материале выделить, видимо, невозможно.

Основная часть книги состоит, как мы указывали, из трех глав. Главы носят названия: I – «Посуда, пиксиды, их декорированные крышки, печати и другая каменная утварь эллинистической и ахеменидской Бактрианы», II – «Художественный и культурный контекст продукции камнерезов: «ахеменидские» искусства Центральной Азии ахеменидской и эллинистической эпох»; III – «Размышления и гипотезы относительно этой школы камнерезов в Центральной Азии и Иране от начала I тыс. до н.э. вплоть до эпохи мидийцев и начала Ахеменидов».

Мне кажется, что нет особой нужды подробно говорить конкретно о содержании каждой из этих глав. Как я уже выше отмечал, во всех трех главах повторяются одни и те же идеи, выраженные иногда одними и теми же словосочетаниями. Отметим только, что объектом исследования являются артефакты, произведенные ремесленниками из камня. Сам камень – обычно сланец (или gabbro) черного или серого цвета. Этот вид камня широко распространен в Бактрии и Бадахшане. Из него производились тарелки, пиксиды, их декорированные крышки, печати и другая каменная утварь.

Тарелки имели обычно орнамент – или в форме инкрустации камнями другого цвета, или врезной. Орнамент по большей части геометрический. Некоторые тарелки представляют собой подражания серебряным позолоченным сосудам эллинистической эпохи. Пиксиды, как правило, выполнены на более высоком техническом и художественном уровне, нежели посуда. Некоторые из них использовались в качестве светильников. Высказывалось предположение, что они могли послужить прообразом для буддийских реликвариев кушанского времени. Крышки пиксид также обычно декорированы. В отличие от тарелок и собственно пиксид данный тип артефактов не представлен среди находок кушанского времени. Распределение находок пиксид (и их крышек) показывает, что они были в употреблении у высшего слоя горожан (вывод делается на основании материалов Ай Ханум), но обитатели дворца ими не пользовались. Там в ходу были предметы более драгоценные.

Основу «Корпуса» артефактов, исследуемых в данной работе, представляют собой находки главным образом из раскопок Ай Ханум¹. Их дополняют более редкие находки из раскопок Тахти-Сангина², а также некоторые находки из раскопок хорезмийских памятников и душанбинского некрополя. Определенная часть материала (главным образом, печати) – находки из хищнических раскопок.

Все основные выводы автора, полученные в результате анализа этого круга артефатов, могут быть представлены следующим образом.

В Центрально-Азиатском регионе еще до завоевания его персами возникла собственная оригинальная школа камнерезов, которая продолжала существовать и после прихода Ахеменидов и даже после греко-македонского завоевания. Хотя А.-П. Франкфор не утверждает этого категорически, но все-таки он видит один из импульсов для создания этой школы в искусстве кочевников, в частности, в петроглифах – столь популярном у этих народов виде искусства. Он подчеркивает наличие тесных связей между мирами кочевников и оседлых земледельцев. Опять же, хотя это прямо не говорится, но явно заметно стремление А.-П. Франкфора видеть один из истоков данной школы в традициях камнерезного искусства «цивилизации Окса».

Прямых доказательств существования этой школы нет, поскольку ни на одном памятнике начала I тыс. до н.э. ничего похожего до его времени не было обнаружено. Однако А.-П. Франкфор находит несколько аргументов в поддержку своей позиции. Он указывает на относительную слабость этих аргументов, но считает необходимым их привести. Первым из них он считает буллу, обнаруженную на памятнике № 237 Мервского оазиса³. На булле изображен персонаж, имеющий «мидийский» головной убор. В таком случае можно предполагать, что печать, оттиском с которой является эта булла, была произведена во время, предшествующее ахеменидскому завоеванию.

¹ См., главным образом: Francfort 1984; Gouillaume, Rougeulle 1987.

² Особое внимание привлекает пиксида, обнаруженная сравнительно недавно при раскопках А.П. Дружининой (Druzhinina 2004, 98–105). А.-П. Франкфор принимает все основные выводы А. Дружининой (датировка III–II вв. до н.э. на основе стратиграфических наблюдений и принадлежность к кругу произведений доэллинистического времени), хотя никаких серьезных оснований для этого нет.

³ Collon 1998, 137–139.

Второй аргумент он считает более весомым. Этим аргументом являются буллы, обнаруженные при раскопках парфянского памятника Улуг-депе⁴. Эти буллы датируются VIII веком до н.э. Все они происходят из цитадели – административного центра поселения (и, видимо, области). С точки зрения автора, эти находки имеют очень большое значение, поскольку они свидетельствуют о практике использования печатей в поселении, существовавшем одновременно с памятниками, которые считаются мидийскими, в Иране (Нуш-и Джан, Годин и др.).

Конечный итог своего исследования А.-П. Франкфор суммирует следующим образом. Центральноазиатский стиль (характерный для Бактрианы, Маргианы, Согдианы и Хорезма) глиптики и камерезное искусство сформировались между IX и VII вв. до н.э. частично в этом регионе, частично в Иране, но при этом оба эти региона находились в связи с миром степей, в частности, их население было знакомо с наскальным искусством. После прихода сюда Ахеменидов местное камерезное искусство освоило некоторые персидские иконографические темы. Этот стиль продолжал существовать вплоть до эллинистического времени, сосуществуя с монументальными или малыми искусствами, характерными для царского или сатрапского окружения.

Как же мы можем оценить эту работу? С большим сожалением я говорю словами К.С. Станиславского: «Не верю!». Автор, с моей точки зрения, не смог доказать справедливость той концепции, которую он предложил.

Какие возражения и сомнения могут быть высказаны по этому поводу. Самое первое из них: а где предмет исследования? Все те артефакты, которые послужили отправной точкой для исследования, происходят из слоев эллинистического времени. Все остальное, что добавляется к этой базе, происходит, как правило, из хищнических раскопок и, естественно, не может служить полноценной базой для каких-либо построений, поскольку присоединено к основной группе артефактов совершенно произвольно.

Все так называемые аргументы, в сущности, таковыми не являются. Например, булла с памятника 237 Мервского оазиса, которая занимает столь важное место в построениях автора, в действительности не служит сколько-нибудь важным аргументом. Д. Коллон, издавая этот предмет, обращала внимание и на головной убор персонажа, представленного на оттиске, чему А.-П. Франкфор придает очень важное значение. Но Д. Коллон помимо мидийских параллелей также указывала и на эламские. Общая ее оценка даты данного изображения – период от 650 до 400 г. до н.э., при этом она больше склоняется ко второй половине периода⁵. Таким образом, этот артефакт не может служить аргументом в хронологических построениях автора.

Еще интереснее ситуация с буллами из Улуг-депе. О. Леконт при раскопках этого памятника обнаружил около 50 экземпляров глиняных булл. Он датирует их началом I тыс. до н.э. Аргументация при этом довольно странная⁶. О. Леконт указывает, что в советской науке начало раннего железного века (период Яз I) обычно относилось примерно к 1000 г. до н.э., в то время как в западной науке придерживались иной хронологической схемы, когда начало Яз I приурочивалось к середине II тыс. до н.э., а примерно к 1000 г. относилось начало периода Яз II. Теперь же, замечает О. Леконт, большинство археологов из бывших советских республик приняли эту схему. Необходимо указать, что он очень сильно упрощает ситуацию. Очень многие исследователи придерживаются традиционных схем и, кроме того, все-таки такие вопросы решаются не большинством голосов. Сам же О. Леконт никаких аргументов в пользу своей системы дат не приводит. Самое же поразительное состоит в том, что А.-П. Франкфор придерживается традиционной системы – начало Яз I приходится на 1000 год до н.э. Как автор совмещает две совершенно несовместимые схемы – понять невозможно. При этом сам А.-П. Франкфор указывает, что со всех точек зрения буллы Улуг-депе не имеют ничего общего с печатями, которые он считает происходящими из Бактрии и Согдианы. Таким образом, и этот аргумент лишается доказательной силы.

Необходимо указать еще на некоторые обстоятельства. А.-П. Франкфор очень много внимания уделяет петроглифам степных народов, видя в них один из истоков сфрагистики оседлых народов Центральной Азии. При этом основной упор он делает на единство техники, что мне кажется совершенно неправильным. Для создания миниатюрной печати или огромного панно на скале требуются разные технические навыки и инструменты.

Наконец, еще одно короткое замечание. У А.-П. Франкфора постоянно проскальзывает мысль о некоей связи, существовавшей между сфрагстикой бронзового века и теми артефактами, которые он исследует. Но при этом он почему-то игнорирует единственную работу, в которой специально исследуется вопрос о преемственности между печатями бронзового века и печатями эллинистической эпохи⁷.

⁴ См. Lecomte 2004, 168–181.

⁵ Collon 1998, 137–138.

⁶ Wu Xin, Lecomte 2012, 313.

⁷ См. Gaibov 1996, 385–393.

Литература

1. *Collon D.* 1998: A Clay Sealing from Site 237 // *The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports. 1990–1995* / A. Cubaev, G. Koshelenko, M. Tosi (eds.). Roma, 137–139.
2. *Druzhinina A.P.* 2004: A Stone Pyxis Lid Decorated with a Zoomorphic Frieze from the Tachti-Sangin Fort: a New Find from Ancient Bactria // *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 98–105.
3. *Francfort H.-P.* 1984: Fouilles d’Ai Khanoum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. 2. Les trouvailles (MDAFA. Vol. XXVIII). P.
4. *Gaibov V.* 1996: Bullae from Göbekly-depe (Margiana): Bronze Age Traditions in Parthian Sphragistics // *Archives et sceaux du monde hellénistique*. P., 385–393.
5. *Gouillaume O., Rougeulle A.* 1987: Fouilles d’Ai Khanoum VII. Les petits objets (MDAFA. Vol. XXXI). P.
6. *Lecomte O.* 2004: A Group of Yaz II–III Stamp-impressions from Ulug Depe (Turkmenistan) // У истоков цивилизации. Сборник статей к 75-летию В.И. Сарияниди / М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (ред.). М., 168–181.
7. *Wu Xin, Lecomte O.* 2012: Clay Sealings from the Aron Age Citadel at Ulug Depe // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 44. B., 313–327.

Gennadiy A. Koshelenko
Institute of Archaeology,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Г.А. Кошеленко,
член-корреспондент РАН,
главный научный сотрудник
Института археологии РАН

koshelenko@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 3, с. 239–241

H.J. KIM. *The Huns, Rome and the Birth of Europe.* Cambridge: Cambridge University Press, 2013. VIII, 338 p., maps.

Атила и его орда с момента своего выхода на историческую арену никогда не устаивались доброго слова. Данная книга призвана восстановить историческую справедливость. Автор, историк, работающий в настоящий момент в Австралии, представляет неожиданные для европейского читателя аргументы в пользу положительной оценки вклада гуннов в развитие постримской Европы. Основное положение, отстаиваемое автором, таково: наиболее важные социальные и политические институты раннесредневековой Европы имеют центральноазиатское (Inner Asian – в терминологии автора) происхождение и привнесены на Запад гуннами. Автор также настаивает на том, что Западная Римская империя была разрушена непосредственно военной мощью гуннов.

Ключевые аргументы в пользу высказанных положений Ким приводит с самого начала (глава 1, Вступление) и повторяет на протяжении всей книги с завидным упорством, постоянно сетуя на пренебрежительную оценку роли степных цивилизаций европейскими и китайскими историками, чье внимание фокусируется исключительно на своих собственных «периферийных» цивилизациях. Лишь в главе 4 автор дает более развернутую аргументацию своих основных положений о взаимоотношениях кочевого и оседлого населения, а в Заключение – и по поводу географического и культурного концепта «Европы» как такового.

Хотя структура книги в целом вполне логична и понятна, названия отдельных глав часто не дают возможности понять, о чем именно говорится в той или иной из них. Так, в главе 2, озаглавленной «Центральноазиатские противники Рима в догуннский период», речь на самом деле идет о том, что западноевропейский феодализм происходит от центральноазиатской «квази-феодальной» (по терминологии автора) системы «пастушеского феодализма», который, будучи привнесен гуннами в Западную Европу, привел к сложению «протофеодализма», а тот в свою очередь выродился в разрозненный «манориальный» феодализм развитого средневековья. В следующей главе 3, озаглавленной «Гунны в Средней Азии», утверждается, что гунны имели сложную государственную организацию в традициях ранних и средневековых степных кочевых империй от скифов до монголов. К сожалению,